

Дж. БАРКРОФТ

Профессор И. П. Павлов — иностранный член Британского королевского общества

Профессор Иван Петрович Павлов был общепризнанным старшиной физиологов. Этого положения он достиг благодаря своему весьма почтенному возрасту, своим выдающимся способностям и своей огромной жизненной энергии. Столь значителен был его возраст, ибо в 1934 г. он праздновал 85-летие своего рождения, что среди живущих ныне научных работников Великобритании найдется весьма немного таких, которые могли бы приближенно считаться его современниками, а для большинства годы первых научных работ Павлова кажутся уходящими в отдаленное прошлое. Но даже, помимо этого, вплоть до послевоенного периода Павлов представляется английским работникам несколько далекой фигурой. Может быть, это объясняется тем, что он не был особенно хорошим лингвистом: он говорил по-немецки и одно время работал в Германии, но английским языком он никогда не владел свободно.

Но хотя Павлов был лично малоизвестен в Англии, его имя благодаря его трудам по пищеварению приобрело в конце 90-х гг. истекшего столетия силу авторитета. Его книга «Лекции о работе главных пищеварительных желез» произвела глубокое впечатление во всем научном мире и сразу выдвинула Павлова не только в первые ряды первоклассных физиологов, но и ученых вообще. Что касается технической стороны работ Павлова по пищеварению, его великие достижения были обусловлены двумя установленными им принципами: во-первых, получаемые из его опытов выводы будут обманчивы, если подопытные животные будут испытывать болевые ощущения или даже если их психическое состояние окажется нарушенным; во-вторых, результаты окажутся столь же неудовлетворительными, если животные будут находиться под действием общего наркоза. Поэтому Пав-

лов поставил себе задачей так расположить при помощи остроумных хирургических приемов отдельные органы подопытных животных, чтобы они оказались доступными для изучения и чтобы вместе с тем животные чувствовали себя прекрасно и были вполне здоровы. Таким образом, он мог наблюдать свойства главных пищеварительных соков, а также те условия, при которых происходило выделение этих соков, и их взаимоотношения. С тех пор многие из результатов, добытых Павловым путем опытного изучения животных, были проверены и на людях. Но все это в целом никогда не может быть проведено на одном больном или в одно время на многих больных, так как проверка на человеке какого-нибудь одного наблюдения Павлова зависит от случайного совпадения двух условий: чтобы больной стал жертвой какого-нибудь необычного несчастного случая и чтобы этот больной попал в руки врачу, обладающему научной подготовкой и способностью воспользоваться таким случаем. Работа Павлова на собаках, все органы которых составляют неразрывное целое, может быть проверена на людях — одна часть, скажем, на одном больном в Чикаго, другая — на другом больном в Бостоне, третья — в Лондоне и т. д. — с тем, однако, чтобы все данные сопоставлялись с этой основной работой Павлова как с руководящей нитью. Иногда встречается полное тождество между человеческими данными и данными у собак, а иногда обнаруживаются видовые различия: и хотя ничего особенно нового нам не открывают последствия этих несчастных случаев, но все-таки приобретаемые отсюда сведения должным образом сводятся вместе в одно целое на основе работ Павлова.

Необходимо упомянуть и иную, совершенно своеобразную сторону работ Павлова над пищеварительными железами, которая вместе с тем находится в полном соответствии с его характером; именно они имели и чисто человеческую сторону. Эти работы отличались не только тщательными правильными рассуждениями, не только таблицами, сосредоточивающими в себе те или иные данные, но в конечном итоге они подводили обоснованный фундамент под пришедшие из давних времен человеческие обычаи: почему именно меню является таким, а не иным, почему закуска должна предшествовать супу, суп — жаркому. Может быть, самым важным было то, что диететика была освещена по-новому и выяснилось, что при равных условиях переваримость какой-нибудь приправы должна, вероятнее всего, соответствовать своей привлекательности на вкус. Для конца эпохи Виктории это составляло почти что революцию. Именно за свою работу над пищеварительными железами Павлов получил вскоре

после учреждения Нобелевского фонда Нобелевскую премию по физиологии и медицине (1904).

После мировой войны Павлов неоднократно посещал по разным поводам страны, где господствует английская речь: последним его посещением был приезд летом 1935 г. в Лондон по случаю Неврологического конгресса. В 1928 г. он прочел перед Британским королевским обществом Круниевскую лекцию. Естественно, что всем тем, кто его знал только как выдающегося исследователя, было очень интересно познакомиться с тем, что представляет собой как личность этот знаменитый приезжий гость. Обаяние, которое до того Павлов оказывал на умы, сразу столь же сильно охватило и чувства. Павлов привлек к себе всех тех, с кем он соприкасался. Он, конечно, прибыл при весьма необычных обстоятельствах. Его родина только что пережила самую, возможно, глубокую революцию всех времен и вышла из нее победительницей: ее учение гласило, что человека надо оценивать за его личные качества, а не по обстоятельствам его рождения.

Павлов был как бы создан для такой роли; на больших торжествах, куда все другие ученые являлись украшенными всеми атрибутами внешности, во всеоружии своего положения, Павлов, из них всех самый великий, выступал в простом одеянии из грубого синего сукна и возвысил этот костюм до мундира, затмившего своим достоинством все остальные. Он имел выправку военного, был несколько худощав, но энергия в нем была ключом: он являлся олицетворением благородства и сердечной доброты.

Можно вспомнить один случай, который покажет одновременно и сосредоточенность Павлова, и его чувство юмора. В 1928 г. Павлов читал лекцию в Кембриджском университете перед переполненной аудиторией студентов. Было установлено, что Павлов будет говорить по-русски полминуты, а затем д-р Г. В. Анреп переведет сказанное. После примерно трех таких циклов Павлов так увлекся своей темой, что совершенно позабыл о том, что аудитория его не понимает. Он продолжал говорить, вероятно, минут пять, затем опомнился. Он свел руки вместе и расхохотался, вся аудитория вслед за ним покатывалась со смеху. Павлов полностью завладел студенческими сердцами.

Нет необходимости подробно останавливаться на втором периоде работ Павлова по условным рефлексам: он хорошо известен и был подробно освещен покойным проф. Старлингом в «Nature» (1925, 3 января), где была дана и фотогравюра с портрета Павлова. Из главных идей его работы над высшими нервными центрами укажем следующие: поведение в значительной

степени зависит от равновесия возбуждающих и тормозящих поступков, от «делай» и «не делай», которые могут быть превращены в «условные», т. е. быть связаны посредством привычки с каким-нибудь раздражителем, имеющим, по-видимому, мало общего с данным поведением (как, например, если свет всегда тушит за три минуты до дачи собаке пищи, то в конце концов собака будет выделять слюну через три минуты после освещения вне зависимости от того, будет ли задана ей пища или нет); вследствие различий в темпераменте некоторые животные легче реагируют на положительные раздражители, другие на тормозящие; сон является формой условного торможения; уравнивание рефлексов, требующих действий противоположных направлений, может вызвать борьбу и в конечном итоге сильный невроз.

Возможно, что наиболее поразительным фактом последних лет жизни Павлова является тот огромный престиж, которым он пользовался у себя на родине. Все такие примитивные утверждения, будто своим возвышенным положением Павлов был обязан тому, что материалистическое направление его работ над условными рефлексами служило опорой для атеизма, представляются несправедливыми как в отношении самого Павлова, так и советской власти.

По мере того как культура отбрасывает сверхъестественное, она начинает все более и более считать человека наивысшим предметом человеческого познания, а природу его умственной деятельности и ее плоды предметами наивысшей фазы науки о человеке. К подобным исследованиям в Советском Союзе относятся с величайшим вниманием. Поразительные коллекции скифского и иранского искусства в Эрмитаже в Ленинграде никогда так не лелеялись бы, если бы они не являлись памятниками развития человеческой мысли. Благодаря случайностям судьбы получилось, что жизнь того человека, который сделал больше кого-либо другого для экспериментального анализа умственной деятельности, совпала по времени и по месту с культурой, которая возвысила человеческий разум.

Выдающиеся научные заслуги сами по себе не дали бы еще Павлову того влияния, которым он пользовался. К этим заслугам присоединилась его горячая любовь к России и полная лояльность по отношению ко всем ее учреждениям.

Следует заключить эту скромную дань уважения впечатлением о семейной жизни Павлова. Насколько он любил свою родину, настолько же он любил и свою семью. Его вкусы были простые; он любил копать землю и значительную часть своего досуга проводил в работе в саду. Возможность получения, ска-

жем, каких-нибудь новых семян наполняла его энтузиазмом; однако это должны были быть семена какого-нибудь простого, но яркого вида, например нового сорта мака.

Нельзя найти более удачного примера родства простоты и величия, чем тот, который являл сам Павлов.

<1936>

